

Е. В. Краснова

РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В КНИГЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ» ПЕДЕРА ФОН ХАВЕНА

Наблюдающийся в последние десятилетия рост интереса к межкультурным различиям и в связи с этим к изучению стереотипов восприятия одних народов другими, несомненно, связан с глобализацией, ростом культурных контактов и практическими потребностями в сфере межкультурной коммуникации. Обращение к истории формирования традиционных представлений о другой культуре невозможно без изучения путевых заметок путешественников прошлых веков. Путешествие и в наше время является лучшим способом погружения в незнакомый культурный контекст, но несколько веков назад это был единственный способ знакомства с чужой культурой. Записки путешественников как нельзя лучше иллюстрируют реализацию оппозиции «свой–чужой», на основе которой формируются стереотипические представления о другом народе.

В 1493 году между Данией и Россией были установлены официальные отношения, но благодаря относительной географической близости эти две страны и прежде имели многочисленные контакты. Очевидно, что при формировании стереотипов восприятия русской культуры в датском обществе играли роль многие факторы, но, по утверждению П.У. Мёллера, именно записки путешественников долгое время являлись для датчан основным источником сведений о России и лишь позднее, начиная со второй половины XVIII века, переводная литература и журналистика начинают влиять на формирование представления о русских¹.

История восприятия русской культуры в датском обществе на протяжении XVII–XIX веков содержит множество интересных свидетельств. В это время датчане нередко приезжали на службу в Россию, ведь для большинства из них Россия тех лет была тем, чем на рубеже XIX и XX веков для

жителей Скандинавских стран стала Америка — страной безграничных возможностей, где можно было реализовать себя. Приезжавшие в Россию военные, путешественники, учителя оставили заметки, воспоминания и другие документальные свидетельства своего пребывания в России. Одним из наиболее значительных свидетельств стала книга датского пастора П. фон Хавена «Путешествие в Россию». Эти заметки о путешествии, принятом в 1736–1739 годах по России, — уникальный исторический источник, позволяющий современному читателю взглянуть на ту далекую эпоху глазами человека другой культуры. В Дании книга вышла в 1743 году и позволила датской публике познакомиться с новой, послепетровской Россией, представив точную и детально проработанную картину жизни России и, несомненно, повлияв на восприятие России не только в Скандинавии, но, возможно, и в других странах, поскольку эта книга вскоре после выхода была переведена на немецкий язык.

В России этот труд до 2007 года был известен лишь узкому кругу скандинавистов, но благодаря специалисту по истории Скандинавии В.Е. Возгину, который не только выполнил перевод, но и составил подробный исторический комментарий, примечания и биографический очерк, эта книга доступна теперь и российским читателям².

П. фон Хавен родился в 1715 году в г. Оденсе на острове Фюн. После окончания в 1734 году теологического факультета Копенгагенского университета он сначала для продолжения обучения отправляется в Германию, но затем, очевидно, под влиянием одного из преподавателей немецкого университета, летом 1736 года принимает решение попытаться счастья в России. Прибыв в Петербург, он вскоре занял место заместителя инспектора школы Петершуле, а затем его рекомендовали в качестве секретаря норвежскому контр-адмиралу П. Бредалю, служившему в России еще с Петровских времен и с 1736 года командовавшему строительством Донской флотилии. Согласно условиям найма молодой теолог должен был также исполнять обязанности проповедника для моряков евангелического вероисповедания, служивших в Кронштадте и Петербурге, а затем и для единоверцев на юге России, куда через несколько месяцев должен был выехать П. Бредаль. В марте 1737 года контр-адмирал и его секретарь-проповедник отправляются через Новгород, Москву и Тулу на Дон. Позднее П. фон Хавен возвращается в Москву, где в течение года работает учителем в семье генерала Ю.Н. Репнина. Получив в 1739 году сообщение о смерти отца, он возвращается в Данию³.

Записки П. фон Хавена отличаются от многих других воспоминаний его современников тем, что автор получил возможность познакомиться не

только с жизнью Петербурга и Москвы, но и увидеть «непарадную» Россию. Ему случалось совершать достаточно длинные путешествия, как зимой, так и летом, ночевать в простых крестьянских избах, он мог наблюдать жизнь провинции, у него было достаточно времени, чтобы получить информацию как от русских, так и от живущих в России иностранцев, он мог познакомиться с укладом жизни самых разных групп населения.

Записки П. фон Хавена, хотя и подверглись последующей обработке, изначально не создавались в качестве литературного текста и потому интересны как проявление непосредственной реакции датского пастора на увиденное им в России⁴. Их отличает откровенность, широта изложения, постоянный интерес к окружающей действительности и внимание к деталям.

Труд П. фон Хавена, однако, несвободен от мелких неточностей и ошибок, отмеченных в комментариях В.Е. Возгина⁵, но для изучения восприятия культуры эти фактологические неточности могут представлять особый интерес, ведь восприятие предмета или явления никогда не бывает идентично воспринимаемому, на него влияют многие факторы, в частности коллективные представления и индивидуальные особенности.

Показательно, что книга П. фон Хавена вышла с предисловием Л. Хольберга — великого датско-норвежского писателя-просветителя. Л. Хольберга, с которым П. фон Хавен познакомился после возвращения в Данию, всегда интересовали быт и культура других народов. Именно Л. Хольберг уговорил П. фон Хавена издать книгу о путешествии в Россию, увидев в его заметках не просто описание великой страны, но и заметный вклад в культурное посредничество.

В своем предисловии Л. Хольберг дает очень высокую оценку книге П. фон Хавена: «[Это сочинение]... написано в доброжелательном тоне и с юмором. Оно содержит различные любопытные сведения, известные не всем»⁶. Кроме этого, Л. Хольберг высказывает сожаление, что из многих путешественников не найти ни одного, кто одарил бы по возвращении свое Отечество чем-то подобным. Он отмечает, что П. фон Хавен «не просто путешествовал, но путешествовал с намерением учиться самому и научить других»⁷.

Труд П. фон Хавена содержит подробные природно-географические и этнографические материалы (он, в частности, рассказывает о жизни донских казаков, крымских татар и калмыков⁸), детальную информацию о быте, нравах, традициях и представляет собой важный источник информации о России тех лет. Автор стремится к почти энциклопедической точности, он, например, подробно описывает крепостные сооружения Крон-

штадта, приводит точное число кораблей, стоящих на рейде в этом городе, знает число почтовых станций между Москвой и Петербургом и количество лошадей на каждой из них, попутно информирует читателя о русских мерах длины и веса и ценах на продукты, дает детальное описание того, как выглядит русская деревня, описывает технологию строительства бревенчатого дома и организацию надворных построек, приводит множество деталей о жизни и быте России той эпохи. Все эти сведения представляют большой интерес не только как источник знаний об эпохе, но и для изучения формирования стереотипов, и в этом случае читатель обращает внимание в первую очередь на то, что оказывается между строк, между цифрами и фактами, — на отражение устоявшихся стереотипов в тексте, а также на общую тональность тех страниц, где присутствует автор с его индивидуальным мировосприятием и непосредственным отношением к тому, что он видит, когда он перестает просто объективно фиксировать увиденное и когда реализуется одна из самых фундаментальных в истории человеческого мышления оппозиций «свой–чужой».

Наиболее ярко эта оппозиция просматривается в разделах, посвященных описанию культурных особенностей, быта, обрядов и т.п. Восприятие «чужого», с одной стороны, опирается на уже существующие для датчанина национальные стереотипы (описанные, в частности, в работе П.У. Мёллера⁹), с другой стороны, подвергается трансформации, и в результате мы наблюдаем, насколько нечеткой оказывается граница между «своим» и «чужим».

Для восприятия чужой культуры характерно такое свойство, как избирательность — стремление выделить какой-либо объект из числа других. Автор обращает наше внимание на все явления, отличные от того, к чему он привык. Объектом в книге П. фон Хавена зачастую выступает природное (суровые зимние морозы, ледоход на Неве), культурное явления (Пасха, Масленица) или даже предмет (например, обычные счеты, неизвестные датчанам). Он выделяет из окружающей действительности те явления и предметы, которые представляются наиболее значимыми, наиболее заметными, с точки зрения иностранца, представляют своего рода этнографический интерес и достойны описания. Эти фрагменты написаны скорее в жанре путеводителя, в них содержится точная, фактическая информация об увиденном.

Иначе дихотомия «свой–чужой» реализуется в тех разделах, где автор, будучи носителем другой культуры, проводит сравнение с аналогичными элементами родной культуры в отношении культуры и быта, где так или иначе, эксплицитно или имплицитно происходит непосредственное сопо-

ставление «чужого» со «своим», где центральными концептуальными признаками концептов «свой» и «чужой» становятся признаки «так, как у нас» и «не так, как у нас». При этом встречаются как явные, прямые сравнения с Данией («Местность была чудесна, как только можно себе представить, прямо как в лучших местах Дании», «Русские поместья... устроены почти так же, как датские», «В таинствах русские отличаются от нас значительно», «В России восприемники чувствуют гораздо большую свою обязанность по отношению к крестнику, чем у нас»), так и имплицитные сравнения, где происходит скрытое сопоставление с привычным и принятым у автора на родине («Русские не терпят табак и с трудом терпят, когда кто-то курит в их комнатах», «Их пища не знает специй»). В последнем случае за тем или иным утверждением стоит обращение к принятому в своей культуре: если русские не терпят курительный табак или не используют специй, то мы понимаем, что в Дании дело обстоит иначе. Подобные скрытые сравнения рассеяны по всему тексту записок, еще раз проявляя зависимость восприятия культуры от собственного опыта и собственной культуры.

В целом ряде фрагментов, в первую очередь посвященных установленным к тому времени стереотипам, автор выходит из роли наблюдателя, регистрирующего факты или проводящего сопоставление, и пытается сформулировать свое отношение к явлениям культуры и быта, а в некоторых случаях — найти оправдание или объяснение негативным стереотипам.

Он, в частности, не обходит стороной такой русский порок, как пьянство. После путешествий по России он делает вывод, что «иностранец, намеревающийся безбедно ездить по этой стране, должен возить с собой хороший запас водки, чтобы было чем оплачивать дающим ему приют, так же как в Польше с той же целью нужно в поездках иметь добрый запас перца»¹⁰.

Но, говоря о пьянстве, он со свойственной ему толерантностью пытается найти оправдание этому пороку и утверждает, что порок этот «относится лишь к черни, да и то не ко всей». Более того, он проводит сравнение «со своим»: «...у нас и у других северных народов общеизвестна примерно та же болезнь (хотя ее и пытаются скрыть, а ее симптомы окружают большой тайной)...» И далее пытается найти пьянству в России несколько объяснений, в частности рабство, по причине которого у простого человека отнимаются все иные удовольствия, а также поведение полиции, которая смотрит сквозь пальцы, когда этому пороку предаются публично, это связано с тем, что чем больше будет выпито крепких напитков, тем это выгоднее правительству, которое имеет монополию на продажу алкоголя. Но главную причину он видит в образе жизни и питания. Автор говорит о скудном

рационе год напролет: «...в особенности во время постов они не видят ничего, кроме свеклы, капусты, чеснока, крупных огурцов, неаппетитной рыбы и растительного масла». Замечая, что «медики полагают, что если бы они иногда... не пили крепкой водки, то на такой диете им бы не выжить», он заканчивает свои рассуждение следующим выводом: «...водка и баня — вот те два средства, которыми русские живут и укрепляют свое здоровье»¹¹.

В отношении представления, что русские ленивы, он пишет: «Причина этой лениности народа, отчасти, конечно, холодный климат... отчасти их образ жизни, а также пища и питье делают тело тяжелым, отчасти и прежде всего жестокий гнет во многих частях страны убивает в народе все позывы к проворству и предприимчивости»¹².

Он опровергает стереотип о нечистоплотности русских, встречавшийся ему, очевидно, в книгах других путешественников, и утверждает, что в большинстве домов, в которых он бывал, включая и крестьянские, царят порядок и чистота.

Однако, описав пороки русских, он тут же, буквально в следующем абзаце, считает своим долгом перечислить «русские национальные добродетели». С его точки зрения, это «красота, сила, верность, постоянство, смирение и послушание по отношению к сильнейшим и начальствующим... Их чувство юмора и умственные способности с избытком проявляются в страстном интересе к историческим и математическим наукам, в которых они, если сравнить их с другими, добились успехов, достойных внимания»¹³. Это утверждение об успехах в математике автор комментирует к книге В.Е. Возгрин, правда, считает преувеличением¹⁴, однако в данном случае интересно скорее не соответствие действительности, а непосредственное восприятие П. фон Хавена, эксплицирующее его отношение к русской культуре.

Характерным для записок П. фон Хавена является удивительное желание принять и понять чужую культуру, отсутствие категоричности в суждениях, чрезвычайно толерантное отношение к инокультурным особенностям. Даже если он оказывается в какой-то совершенно непонятной ему и неприятной ситуации, он всячески стремится относиться к ней с чувством юмора и терпимо. Например, к неудобствам от тараканов или наличию дыма в комнатах при ночевке в крестьянском доме автор относится достаточно терпимо, утверждая, что хотя и неприятно, что тараканы ползают повсюду, но они ведь не приносят никакого вреда. И вообще, можно провести ночь в своих санях, если вам неприятно спать с тараканами или в задымленном помещении.

Или, например, сообщая, что в Петербурге невозможно найти наемную карету или повозку, их, как он утверждает, попросту нет, поскольку все видные люди не могут не иметь собственных карет, он тут же находит в этом плюсы: «Это обстоятельство служит к большому удобству как иностранцу, так и огромному большинству народа, которому не приходится там, как нам здесь, постоянно опасаться попасть под колеса или столь часто пачкаться, то и дело отходя с дороги в грязь»¹⁵.

Образ страны, народа формируется также иносказательными средствами, в отдельных случаях автор, поднимаясь на новую литературную ступеньку, использует яркие метафоричные образы: «...как кровь своей циркуляцией восстанавливает здоровье всего тела и поддерживает его, так же и деньги в торговле оздоравливают общество и предоставляют средства к существованию»¹⁶.

Русские слова, которыми автор нередко пользуется в своем тексте, также относятся к языковым средствам, участвующим в имплицитном выражении концептуальной оппозиции «свой–чужой». При этом П. фон Хавен использует их не только тогда, когда сталкивается с реалиями, для которых по объективным причинам ему не найти соответствия в датском языке («раскольник», «протопоп»). Обладая лингвистическим чутьем, он зачастую использует русские слова и в тех случаях, когда при сопоставлении датского и русского слов замечает несовпадение семантического объема («масло», «праздники», «поклон»). Ему представляется очень важным донести до читателя различие в их значении и использовании. Еще одна группа транскрибированных русских слов, служащих маркером «чужого», — это частотные слова и выражения, которые, с точки зрения автора, важны для понимания характера русского человека («Господи, помилуй!», «Бог знает!»). И наконец, использование еще одной группы русских слов связано с желанием облегчить читателю жизнь в случае, если он окажется в России. Отдельные фрагменты книги становятся похожи на разговорник, в частности, когда автор перечисляет все слова и выражения, которые необходимы человеку для поездки на извозчике («Извозчик!», «Извольте садиться», «Ступай», «Прямо», «Направо», «Налево», «Стой»), или приводит список известных ему русских ругательств.

Еще одним важным языковым средством, широко используемым в книге, является цитация, то есть ссылка на источник информации, при описании тех или иных явлений, что позволяет автору создать ощущение достоверности текста и выглядеть беспристрастным.

Одна из характерных особенностей записок П. фон Хавена — использование лексики, имеющей оценочный характер («... местность близ Москвы — прелестнейшая...», «Едва ли есть другой народ, столь прилежно, как русский, создававший корпус письменных источников по своей истории...», «Русские — носители замечательно плодотворных идей о силе как колокольной, так и вокальной музыки...», «...почти все [женщины] хорошо сложены и производят приятное впечатление...»).

Восприятие русской культуры в записках П. фон Хавена характеризуется целостностью, константностью и избирательностью. При этом благодаря личностному и ситуативному факторам, а также возможности погружения в культурный контекст П. фон Хавен продемонстрировал, как стереотипы, на первый взгляд, константные могут трансформироваться, а границы оппозиции «свой–чужой» постепенно сдвигаться.

***

¹ Мёллер П. У. Какие они — русские? Из истории датского менталитета // Дания и Россия — пятьсот лет. М., 1996. С. 108.

² Хавен фон П. Путешествие в Россию. СПб., 2007.

³ Сведения взяты из биографического очерка, написанного В.Е. Возгриным (см.: Хавен фон П. Указ. соч. С. 477–495).

⁴ Следует заметить, что П. фон Хавен еще раз отправился в Россию в 40-х годах XVIII века, после чего издал новое, отредактированное издание «Путешествия в Россию», однако в данной статье рассматривается лишь первое, непосредственное восприятие автором чужой культуры.

⁵ Хавен фон П. Указ. соч. С. 209–476.

⁶ Там же. С. 11. (Здесь и далее все цитаты приводятся по переводу В.Е. Возгрина. См.: Хавен фон П. Указ. соч.)

⁷ Там же.

⁸ В данной статье, однако, речь пойдет только о восприятии П. фон Хавеном русской культуры.

⁹ Мёллер П. У. Указ. соч. С. 104–127.

¹⁰ Хавен фон П. Указ. соч. С. 49.

¹¹ Там же. С. 49–50.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 268.

¹⁵ Там же. С. 204.

¹⁶ Там же. С. 195.